

поднимает голос в защиту русских революционеров. Его выступление по делу Г. М. Гельфман в 1881 г. имеет такую историю. После того как 15 апреля по приговору царского суда были повешены за участие в царевубийстве народовольцы Андрей Желябов, Софья Перовская, Николай Кибальчич, Тимофей Михайлов и Николай Рысаков, а Гесе Гельфман, ввиду ее беременности, казнь отсрочили до рождения ребенка⁴², за рубежом началась широкая общественная кампания в защиту Гельфман. Русские революционеры-эмигранты с самого начала попытались придать этой кампании как можно больший размах и эффект. П. А. Кропоткин, живший тогда в Женеве, 17 апреля написал П. Л. Лаврову в Париж: «Дорогой Петр Лаврович, возьмитесь Вы устроить что-нибудь. Нельзя ли вызвать Victor Hugo? ...Надо спасти Гельфман от этой пытки!! Надо возбудить общественное мнение Европы против русского царя!»⁴³. Не дожидаясь результатов хлопот Лаврова, Кропоткин сам поехал в Париж, навестил Гюго и ознакомил его с обстоятельствами дела⁴⁴. Гюго, как явствует из воспоминаний Кропоткина, откликнулся стихотворением «Да, ужас достиг этой степени...», которое будто бы написано специально о Гесе Гельфман. Полный текст этого стихотворения Гюго Кропоткин привел в своей книге «Правда о казнях в России»⁴⁵. Ни в одном издании сочинений Гюго его нет.

Кампания за помилование Гельфман захватила Англию, Бельгию, Италию, но эпицентр ее все время оставался во Франции. Трудно сказать, какова в данном случае была роль Гюго, но, должно быть, она соответствовала весу его репутации. Царизм не мог не посчитаться с такой кампанией. Князь Н. А. Орлов из Парижа слал отчаянные телеграммы управляющему министерством иностранных дел Н. К. Гирсу, заклиная его официально опровергнуть сообщение французской печати, будто Гельфман пытали и она сделала выкидыш, ибо, мол, это «пункт, существенно важный» для отношений между Россией и Францией⁴⁶. В результате новый царь Александр III вынужден был заменить Гесе Гельфман казнь пожизненным заключением.

Следующий, 1882 г., был ознаменован новой международной кампанией, которая вырвала у царизма еще девять жизней героев «Народной воли». Речь идет о процессе «20-ти» (21—27 февраля 1882 г.), по которому были осуждены на виселицу 10 членов и агентов народовольческого Исполнительного комитета⁴⁷. Европейская общественность дружно осудила этот людоедский приговор: возмущалась пресса Франции, Англии, Италии, Швейцарии. Решающее слово и в этот раз, как в деле Гартмана, сказал Виктор Гюго. Все солидные газеты Европы перепечатали его «Призыв». «Цивилизация должна вмешаться! — требовал Гюго. — Сейчас перед нами беспредельная тьма, среди этого мрака десять человеческих существ, из них две женщины (две женщины!), обреченные на смерть... Пусть русское правительство поостережется!... Оно должно опасаться первого встречного, каждого прохожего, любого голоса, требующего милосердия!»⁴⁸. «Призыв» нелегально проник и в Россию. Размноженный на гектографе по-русски и по-французски, он ходил по рукам под названием «Cri de Victor Hugo»⁴⁹.

Петербургский корреспондент газеты «New York Herald» 4 апреля 1882 г. рассказал в своей газете о том, как «Призыв» Гюго по делу «20-ти» повлиял на Александра III. Этот рассказ тогда же перепечатали и другие газеты Запада (в частности, брюссельская «Independance Belge» 6 апреля 1882 г.), а в 1902 и 1906 гг. — В. Л. Бурцев⁵⁰. Оказывается, Александр III, питавший к Гюго (в отличие от своего отца) по крайней мере читательский респект, как только узнал о «Призыве» Гюго, согласился заменить виселицу каторгой пятерым из десяти смертников. Гюго получил известие об этом на банкете. Он встал и произнес тост: «Пью за царя, который помиловал пять осужденных на смерть и который помилует остальных пятерых!» Министр внутренних дел и фактический глава царского